

ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ТУРКЕСТАНЕ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX СТОЛЕТИЯ И НАЧАЛА XX СТОЛЕТИЯ)

Гаффаров Шокир Сафарович,
доктор исторических наук, профессор
Самаркандского государственного университета.

Аннотация: Мазкур мақола Россия империяси томонидан Туркистонни ўз мустамлакасига айлантириш мақсадида амалга оширилган аҳолини кўчириб келтириш сиёсатининг ўрнини тадқиқ қилиш муносабати билан чоризимнинг стратегик мақсадлари ва кўчирувчилик сиёсатининг мустамлакачилик тарихшунослиги очиқ берилган.

Аннотация: В данной статье раскрываются стратегические цели Харизима и колониальная историография переселенческой политики в связи с изучением места переселенческой политики, проводимой Российской империей с целью превратить Туркестан в свою колонию.

Summary: The article is about the migration policy of Russian czarism in Turkistan. The political, economical, industrial and ideological aspect of geopolitical system in Turkistan. Conclusions of investigation illustrated in statistical tables. Main aim is to display the concurrence policy of czarism.

Сегодня очевидно, что до обретения Узбекистаном независимости именно данный период оказался предельно искажен. В официальной исторической науке колониального прошлого господствовала концепция об исключительной «цивилизаторской миссии» державной России, суть которой сводилась к тому, что насильственное удержание нашего края в составе царской, а затем советской империи имело долгосрочные позитивные последствия, окупавшие все издержки колонизации. Они виделись в ускоренном экономическом развитии, прорыве центральноазиатских народов от «вековой отсталости» к «вершинам исторического прогресса». Инерция подобных концептуальных подходов прослеживается и в части современной зарубежной историографии, к примеру, российской. Вследствие этого актуальным запросом времени выступает необходимость воссоздания объективной картины подневольной жизни колониального Туркестана. Важно с новых методологических позиций раскрыть содержательную суть всей совокупности неоднозначных и внутренне противоречивых изменений, вызванных колонизацией края, четко определить соотношение объективно значимых перемен с негативными последствиями колониального господства.

И все же на этом участке исторической науки сохранилось еще немало вопросов, оставшихся все зоны современного исследования. В их числе сюжеты, связанные с переселенческой политикой царизма. Данная проблема до последнего времени еще не выступала в качестве самостоятельного объекта системного научного познания. Общественная же потребность в ее изучении чрезвычайно велика. Она определяется прежде всего тем, что переселенческая политика царизма составляла сердцевину стратегии колонизации среднеазиатского региона.

Известно, что узбекский народ, как и другие центральноазиатские народы, в пространстве колониального времени последовательно подвергался обезличиванию, национальной дискриминации, отчуждению от своего тысячелетнего духовного наследия. Одним из звеньев этого стратегического курса выступала политика переселения русскоязычного населения, идеология которой, кроме решения проблемы избыточных людских ресурсов метрополии, была направлена на все более тесное привязывание региона к империи путем искусственного наращивания многонациональности состава населения края, целенаправленного «размывания» его тюрко-этнической однородности и сближения в этнокультурном отношении с Россией. Как, к примеру, писал видный царский чиновник, российский сенатор К.К. Пален: «...русского населения в Туркестане должно быть как можно больше для того, чтобы обеспечить господство империи в крае и навечно закрепить его за Россией» [1:408-504].

Многочисленные архивные материалы свидетельствуют о том, что царизм, учитывая

неизбежную отрицательную реакцию Англии и ряда западноевропейских государств на продвижение России в глубь Центральной Азии, особенно в сторону Бухары, Хивы и границ Афганистана, тщательно скрывал свои военно-политические устремления. Так, заявляя о намерении ограничиться установлением своей власти только на пространстве от Семипалатинска до Ташкента, царизм в 1865 г. образовал Туркестанскую область и включил ее в состав Оренбургского генерал-губернаторства. Но одновременно шла подготовка к завоеванию остальной территории среднеазиатских ханств. К 1867 г. к Туркестанской области была «присоединена» значительная территория, входившая ранее в состав Бухарского эмирата, и в связи с этим было создано Туркестанское генерал-губернаторство, непосредственно подчиненное центральному правительству. Краевая администрация, возглавляемая К.П. Кауфманом, в соответствии со стратегическими планами царизма продолжило завоевательную политику. В 1876 г. было объявлено о «присоединении» Кокандского ханства к России и образовании на его месте Ферганской области. Бухарский эмират и Хивинское ханство оказались превращенными в вассальные Российской империи государства. Одновременно осуществлялась аннексия территорий казахов Среднего и Малого жузов, на базе которых в 1882 г. было образовано Степное генерал-губернаторство.

Правящие верхи России, хорошо знавшие о военно-стратегической значимости и ресурсных богатствах Центральной Азии, стремились основательно утвердить в регионе колониальное господство. А для этого, помимо сильной армии и разветвленной военно-административной системы управления важно было создать надежную опору в лице русского населения. По мнению вдохновителей и руководителей колонизации, это особенно необходимо было осуществить в Туркестане, коренное население которого, составлявшее около 5 млн. человек, явно враждебно относилось к новой власти.

Достаточно откровенно высказался о стратегических целях политики переселения части русского населения в край граф К.К. Пален, ревизовавший Туркестан в 1908 году. Он, в частности, писал: «Если не считать мотивов политического характера, имевших значение для завоевания Туркестана, этот край с первых же дней присоединения его к России представлял для русского правительства двоякий интерес: 1) с точки зрения финансовой политики как источник государственных доходов и как новый рынок для продуктов внутреннего производства и 2) с точки зрения колониальной политики как новая область для перемещения избыточного населения из губерний»[1:496].

Стоит отметить, что тезис об «избыточности аграрного населения», оправдывающий колонизацию среднеазиатского региона, носил надуманный характер. Ведь почти три столетия у царской империи оставались малонаселенными огромные просторы Сибири и Дальнего Востока, нуждающиеся в хозяйственном освоении. Другой вопрос, что оно требовало колоссальных финансовых средств. Туркестан с его благоприятным климатом и развитой хозяйственной инфраструктурой выглядел в этом отношении гораздо предпочтительнее.

Именно на данном этапе сложился механизм интенсивного стимулирования имперской администрацией возрастающего увеличения потока переселенцев из метрополии, призванных, во-первых, содействовать укреплению колониального господства России в крае, а во-вторых, обеспечивать безопасность тыла российских войск и предупреждать волнения среди коренного населения. За два с лишним года существования Туркестанской области колониальные власти создали откровенно великодержавную военно-административную систему управления, а также довольно разветвленную сеть русских поселений и добились динамичного притока российских переселенцев, оседавших преимущественно в городах области.

Преобразование Туркестанской области в одноименное генерал-губернаторство, подчинение его Военному министерству и предоставление фон Кауфману прав царского наместника в крае ознаменовали начало второго этапа переселенческого движения из метрополии в Сырдарьинскую и Семиреченскую области[3].

Этот этап, охвативший 1867-1881 годы, отличался существенным расширением территориального простора для переселенцев, так как за счет вновь завоеванных районов были

созданы Зарафшанский округ (1868 г.), Амударьинский отдел (1873 г.), Ферганская область (1876 г.). В последующем в целях казачьей колонизации и масштабного заселения русским населением туркменских территорий царизм передал образованную в 1881 г. Закаспийскую область в ведение Кавказского наместничества, в составе которого она оставалась до 1898 г. Но еще до этого, в 1873 г., правительство империи согласилось с предложением Туркестанского генерал-губернатора о первоочередном заселении русскими переселенцами территорий по линиям: 1) от Оренбурга до Ташкента и 2) от Ташкента через Чимкент, Аулие-Ата и Верный до Семипалатинска[5:30].

Последним этапом в переселенческой политике и практике царского самодержавия в Туркестане явились, 1897-1917 годы. Этот этап, как показывают материалы исследования, стал самым тяжелым для коренного населения не только Туркестанского края, но и Бухарского эмирата, Хивинского ханства, значительная часть территорий которых отторгалась колониальной администрацией для заселения переселенцами из метрополии, а с 1914 – и для размещения иностранных военнопленных[6].

Данному этапу были присущи стремительное увеличение численности переселенцев христианского вероисповедания, усиление притеснения местного населения, которое инициировалось как самими переселенцами, так и колониальными властями, а также было узаконено имперскими указами и постановлениями российского правительства. Среди этих документов можно назвать принятые Сенатом 10 июля 1903 г. «Правила о добровольном переселении сельских обывателей и мещан на казенные земли в области Сырдарьинскую, Ферганскую и Самаркандскую»[7], Закон от 1910 г. «Об изъятии из пользования кочевников Туркестана излишних для них земель в целях обращения их под переселенческие участки и другие государственные надобности»[8:117].

В геостратегическом плане, особенно в свете англо-русского соперничества, царское самодержавие предусматривало дальнейшую колониальную экспансию и укрепление имперских позиций в Центральной Азии и на Кавказе. В обеспечении данной задачи ответственная роль отводилась переселенческой политике. Свидетельством тому является активное переселение военизированного казачества, а также преимущественное заселение российских переселенцев в приграничных с Афганистаном, Турцией, Китаем (Восточный Туркестан), Северным Ираном районах. Показательно и другое. При наличии крупной регулярной армии вооружалось и почти все переселенческое русское население, что служило военно-политическому господству Российской империи. Однако для осуществления экспансионистских замыслов не было достаточных возможностей. Поэтому акцент в переселенческой политике все больше смещался в сторону использования переселенческого движения в целях колонизации захваченных территорий, в том числе Туркестана.

Материалы исследования отчетливо показывает, что уже на первом этапе колонизации Туркестана переселенческая политика царизма носила откровенно великодержавный характер и была подчинена не только военно-политическим, но и экономическим интересам метрополии. В связи с чем стала осуществляться масштабная конфискация земель коренного населения и объявление их собственностью российского государства. Эти акции способствовали созданию мощного земельного фонда для переселенцев из центральных районов метрополии и чиновников колониальных властей, которые наряду с военными подразделениями должны были стать прочным фундаментом колониального режима в крае.

Колониалистская сущность переселенческой политики проявлялась и в том, что устройство русских переселенцев осуществлялось, как правило, за счет социально-экономического притеснения коренных народов. Имперская практика социальной дискриминации местного населения находила идеологическое и правовое обеспечение в многочисленных указах, законах и постановлениях царского правительства, посвященных переселенческому вопросу.

Русская администрация стремилась с первых шагов переселенческой колонизации системно размещать переселенцев по всем областям завоеванного края. В связи с чем, особенно на начальном этапе, для российских переселенцев создавались льготные условия. Так, в 60-х –

70-х годах XIX в., до принятия первых официальных правил, регламентирующих порядок переселения и размещения крестьян и других категорий переселенцев, им предоставлялось от 7 до 10 десятин орошаемой земли. А в некоторых местностях Сырдарьинской и Семиреченской областей – и того больше: по 7-8 десятин на мужскую душу[13:17-18]. И это при том, что в расчете на семью местного сельского населения орошаемой земли приходилось всего от 0,4 до 0,7 десятины. Кроме того, русские сельские переселенцы на 15 лет освобождались от налогов, денежных податей, а мужчины – от воинской службы[9]. Правда, поскольку в ряде районов, например, в Ферганской и Самаркандской областях, ощущалось острое малоземелье и конфискация земель у коренного населения вызывала особенно мощное сопротивление, русским крестьянам в них предоставлялись меньшие земельные участки. Но зато они получали ссуды для дополнительной покупки земли.

Власти империи проявляли заинтересованность в том, чтобы русские в Туркестане в политическом, гражданском и хозяйственном отношении стояли выше коренного населения. И действительно, как указывалось в отчете К.П. Кауфмана, «... среди русских оседлостей здесь на первом плане выступают в настоящее время (отчет написан весной 1881 г. – Ш.Г.) не одни мелкие городки, населенные наполовину татарами (имеется в виду коренное население – Ш.Г.), и не одни редкие казачьи станицы с их сибирским полубродячим населением, а зажиточно на степном приволье благодатного края разрастающиеся крестьянские деревни и общины»[10:186].

В последующем царское правительство издавало все новые правовые акты, регулирующие переселенческие процессы. В их числе «Правила переселения» от 12 июня 1886 г.[11:161-163], Закон от 13 июля 1889 г., а также Закон принятый 10 июня 1903 г.[9:17-20], который был специально нацелен на заселение русскими основных земледельческих и экономически богатых областей края. Он назывался «Правила о добровольном переселении сельских обывателей и мещан на казенные земли в области Сырдарьинскую, Ферганскую и Самаркандскую»[4:742-743].

Опираясь на эти документы, царское правительство и краевая колониальная администрация, несмотря на непрекращающееся сопротивление коренного населения (холерный бунт 1892 г. в Ташкенте, Андижанское восстание 1898 г. и другие акции национально-освободительного движения), целенаправленно проводили линию на динамичное увеличение численности российских переселенцев и использования их в качестве одного из инструментов максимальной эксплуатации природных и людских ресурсов среднеазиатского региона.

Так, к 1900 г. количество российского населения, прибывшего в Закаспийскую и Самаркандскую области после прокладки железной дороги, превысило 40 тыс. человек. Но особенно заметно возрастало число русских переселенцев и их поселков в Ферганской и Сырдарьинской областях. Например, к началу XX в. в Сырдарьинской области возникло 48 переселенческих поселков[9:115]. В Ферганском регионе в течение 1882-1900 гг. было образовано более 20 таких поселений[10:19-20]. Причем, наряду с заселением сельской местности, значительная часть переселенцев осела в городах, вблизи нефтепромыслов, угольных рудников и т.д. В последующие 15 лет количество переселенческих сел составило в Ферганской области свыше 60, в Самаркандской – 14, а в Сырдарьинской – 147[12:114].

Потребность в расширении переселенческого потока обуславливалась также необходимостью экономического освоения подневольного края. Приоритетное значение в этом отношении придавалось регионам возделывания хлопчатника и богатых минеральным сырьем. Вследствие чего царская администрация стала прибегать с начала XX в. к методам дифференцированного заселения, стимулируя прежде всего массовое переселение российских мигрантов в Сырдарьинскую, Самаркандскую и Ферганскую области.

Чтобы придать целенаправленный характер данной акции, императором были утверждены 10 июня 1903 г. «Правила о добровольном переселении сельских обывателей и мещан на казенные земли в области Сырдарьинскую, Ферганскую и Самаркандскую». Правда, в отличие от прежней практики, учитывая явную недостаточность земель в этих густонаселенных районах, предусматривалось предоставление орошаемой земли здесь не свыше 3 дес.

намужскую душу в переселенческой семье. В то же время продолжалось переселение русских крестьян в Закаспийскую, Семиреченскую области, на контролируемые российскими властями территории Бухарского эмирата, Хивинского ханства.

В заключении доклада подведены основные итоги исследования, сделаны обобщающие выводы по изучаемой проблеме. Они сводятся к следующему.

1. Учитывая тюрко-этническое единство коренных народов Средней Азии, обладающих глубокими историческими корнями, высоким уровнем социальной организации, объединяющую роль ислама, а также богатые природные ресурсы края, царизм еще до завоевания Туркестана рассматривал фактор переселения в новую колонию значительного по численности и политически благонадежного российского населения в качестве важного условия утверждения здесь имперского господства России. В соответствии с чем царское самодержавие придавало огромное значение созданию в ходе колонизации Туркестана широкой сети полувоенных казачьих поселений, военных гарнизонов и поселков, преимущественно заселенных русскими крестьянами, торговцами, предпринимателями и т.д.

2. Стратегическим целям системной колонизации края, усилению позиций метрополии в Туркестане служила переселенческая политика царского самодержавия.

Переселенческий процесс протекал в разных формах и хронологически распадался на ряд этапов. В ходе эволюции, инспирированного властями переселенческого движения, смещались отдельные идеологические акценты в практической деятельности по его развертыванию. Неоднозначными были и долгосрочные последствия интенсивного заселения Туркестана российскими переселенцами. Однако базовые парадигмы стратегии и философии переселенческой политики царизма в принципе оставались неизменными. Они определяли создание из многочисленной армии переселенцев прочной опоры колониального строя, использование массового переселенческого потока в целях системной эксплуатации природных богатств и сырьевых ресурсов завоеванного региона, обеспечение масштабных задач по воздвижению «русского Туркестана».

3. Колонизация Туркестана, переплетаясь с военно-административной системой управления и последовательно расширяющимся переселенческим движением из метрополии, оказала заметное воздействие на характер изменений в экономике края и социальном положении местного населения.

В логике имперской экспансии преобразования в экономике были нацелены на превращение Туркестана в рынок сбыта и основной источник сырья для развивающейся промышленности России. В сельском хозяйстве внедрялась губительная хлопковая монокультура, вызывавшая опасное сокращение посевов продовольственных культур и установление зерновой зависимости от метрополии. Резко уменьшались масштабы традиционного ремесленного производства как в городе, так и на селе, особенно после прокладки железных дорог. Растущая конкуренция со стороны более дешевых промышленных товаров, покровительственная политика царизма российским предпринимателям определили вытеснение многих видов местной ремесленной продукции, тенденцию ослабления национальных промыслов, исконно ориентированных на удовлетворение повседневных нужд коренного населения.

Материалы исследования свидетельствуют, что по ряду направлений русификаторской политики в духовной сфере колониальная администрация смогла частично решить поставленные задачи. Но в целом, несмотря на создание разветвленной сети идеологического контроля, притеснение традиционной системы образования, официальную поддержку христианского миссионерства, а также использование иных великодержавных акций, претворить стратегические цели царизма по духовному подчинению широких масс Туркестана не удалось. В силу прочности национального менталитета, твердой приверженности коренных народов этическим и вековым духовно-нравственным ценностям местное население активно сопротивлялось колониальным устремлениям царского самодержавия. В частности, оно всемерно поддерживало классическое мусульманское образование. В результате количество традиционных мактабов не только не сократилось, но и существенно возросло.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Кауфман К.П. Проект всеподданнейшего отчета генерал-адъютанта К.П.Кауфмана 1-го по гражданскому управлению и устройству областях Туркестанского-генерал-губернаторства. 7 ноября 1867 – 25 марта 1881 г.- Спб., 1885. - С. 186.
2. Пален К.К. Приложение к отчету ревизии Туркестанского края. Материалы к характеристике народного хозяйства Туркестана. Ч. 1, отд. 4. – Спб., 1911. – С. 408, 504.
3. Проект положения об управлении в Семиреченской и Сырдарьинской областях. – Спб., 1867.
4. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3-е, Т. XXIII. – Спб., 1905. – С. 742-743.
5. Гинзбург А.И. Русское население в Туркестане. – М., 1991. – С. 30.
6. ЦГА РУз, ф. И.-16, оп. 1, д. 711, лл. 1-2 об.
7. Закон Правительствующего Сената Российской империи от 10 июля 1903 года. – Спб., 1903.
8. Исхаков Ф. Национальная политика царизма в Туркестане. – Т., 1997. – С. 117.
9. Там же, л. 19 (на немцев из России и мусульманских беженцев из Восточного Туркестана никакие льготы не распространялись).
10. Государственный архив Ферганского вилоята. Ф. 276, оп. 1, д. 131, л. 19-20.
11. ЦГА РУз, ф. И-1, оп. 11, д. 703, л. 161-163.
12. ЦГА РУз, ф. И-18, оп. 2, д. 118, л. 114.
13. ЦГА РУз, ф. И-1, оп. 9, д. 604, л. 17-18.

ЎЗБЕКИСТОННИНГ ЖАНУБИЙ ХУДУДЛАРИДА ЯНГИ ЕРЛАРНИНГ ЎЗЛАШТИРИЛИШИ ВА ҚИШЛОҚ ХЎЖАЛИГИ РИВОЖЛАНИШИНИНГ ЎЗИГА ХОС ХУСУСИЯТЛАРИ (XX АСРНИНГ 50-70 ЙИЛЛАРИ МИСОЛИДА)

Пардаев Тошкентбой Ражабович,
Термиз давлат университети Жаҳон тарихи
кафедраси профессори вазифасини бажарувчи,
тарих фанлари доктори

Аннотация: Ушбу мақолада совет ҳукуматининг Ўзбекистоннинг жанубий ҳудудларида янги ерларни ўзлаштириш билан боғлиқ стратегик мақсадлар ҳамда минтақа қишлоқ хўжалигининг ўзига хос хусусиятлари, шунингдек пахта якка ҳокимлигининг ўрнатилиши ва унинг оқибатлари таҳлил қилинган.

Калит сўзлар: совет ҳукумати, иктисодиёт, пахтачилик, монокультура, қишлоқ хўжалиги, мумаммо, миқдор, мослашув, қарор, умумиттифок.

Аннотация: В данной статье анализируются стратегические цели советского правительства, связанные с освоением новых земель в южных районах Узбекистана, а также особенности сельского хозяйства региона, а также установление единого хлопкового управления и его последствия.

Ключевые слова: советское правительство, хозяйство, хлопководство, монокультура, сельское хозяйство, проблема, объем, адаптация, решение, всесоюзный.

Abstract: This article analyzes the Soviet government's strategic goals related to the development of new lands in the southern regions of Uzbekistan, as well as the specific characteristics of the region's agriculture, as well as the establishment of a single cotton administration and its consequences.

Key words: Soviet government, economy, cotton cultivation, monoculture, agriculture, problem, amount, adaptation, decision, union.